

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте криминальные
мелодрамы
Дарьи Кожевниковой

Исповедь Цирцеи
Если это судьба
Ангелы далеко
Завтра на двоих
Стеклянное сердце
Охота на лесную нимфу
День из чужой жизни
Любовь убитой Снегурочки
Побег в пустоту
Опасный танец втроем
Ночь падших ангелов
Поцелуй отложенной смерти

ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА

ДЕНЬ ИЗ ЧУЖОЙ
ЖИЗНИ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

eksmo.ru

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

 eksmolive

 eksmo

 eksmolive

 eksmo.ru

 eksmo_live

 eksmo_live

К58

Кожевникова, Дарья Сергеевна.

День из чужой жизни / Дарья Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-120900-1

Людмила привыкла заботиться о детях, но они выросли и разъехались, боготворила мужа, а он нашел себе молоденькую. Что делать одинокой женщине? Конечно, начинать новую жизнь! Теперь за ней по пятам ходят сразу три молодых человека. Правда, хотя бы они не любви и ласки, а информации — неблаговерный супруг Людмилы увел с завода огромную сумму денег, обманув всех своих подельников и поставив в тупик следственные органы. Такой прыти от своего бывшего Людмила не ожидала. Неужели все дело в той самой юной особе, очаровавшей его и заставившей совершить преступление? Но при чем здесь она сама?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожевникова Д. С., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-120900-1

С чего все началось? С того, что меня муж бросил. Да, вот так бывает: прожили вместе больше двадцати лет, но когда на горизонте замаячил серебром наш семейный юбилей — раз! — и все. Заботливая, домашняя, родная, можно сказать, я просто оказалась поставлена перед фактом: уходит. И, разумеется, к молоденькой. Конечно, я уже далеко не та куколка, что раньше была, годы свое сделали, но и не крокодил какой, очень даже многое у меня осталось от прежних времен. Да и муж мой успел завести за нашу совместную жизнь пару-тройку косметических дефектов, так что было бы один-один, как говорится, если бы не одно «но»: мужики-то нынче в цене. И в отличие от нас, баб, и после сорока лет преспокойно могут завести себе молоденькую. Что мой... (простите, не буду выражаться) и сделал. Да, он у меня и раньше погуливал, но я к этому спокойно относилась. Считала, что мужики в ином случае просто теряют голову и начинают думать... ну, каждый знает чем. Так вот, видно, зря я старалась пребывать в

состоянии покоя, потому что в один прекрасный день голова у мужа так и не прояснилась. А может, наоборот. Как знать? Нет, не стала я его судить. Обидно было до чертиков, словами этого не опишешь. А тут еще подруги налетели, как вороны, вдохновенно каркая: «А помнишь, мы тебе говорили»? Говорили, ну и что? У кого-то мужики поубегали из дому, не выдержав скандалов — то есть результат получился тот же самый, что и у меня. А я вот своему скандалов не устраивала, так что, может, хоть вспомнит когда добрым словом.

Короче, вот в такой я оказалась ситуации. Пережила первый шок, вырвелась тайком, разогнала подруг, кого добрым словом, кого веником, но, по-моему, все они остались в твердом убеждении, что я чокнутая. А мне не до того совсем было, чтобы из-за их мнения голову пеплом посыпать. Плюнула я на все их разговоры, одержимая одной-единственной мыслью: разузнать, кто же та самая пассия, ради которой мой благоверный отправил меня в отставку. Интересно, знаете ли, оценить, на кого же тебя, старую галошу, променяли. Впрочем, нет. Стоп! Не такая уж и старая — 43 года. И, если разобраться, то не совсем уж и галоша. Да, подрастолстела, но стройные ножки колесом от этого не загнулись. Да, мелкие морщинки на физиономии завелись, но глаза от этого меньше не стали, и нос у меня не кривой, и губы карандашом подводить не приходится,

потому что и так они удались, немного подкрасить — и просто супер! В общем, товар далеко не последнего сорта, и в моей голове под натуральными блондинистыми локонами даже кое-какие мозги имеются.

Одним словом, чего только моему мужу во мне не хватало — уж не знаю. Но получилось так, что в солнечный день, ранней весной, отпросившись с работы пораньше, я стояла на углу возле высокой ограды, одетая, как заправский детектив, в темный плащ, в темных очках, с шарфом на голове. Стояла и смотрела на двери восточной заводской проходной — муж у меня работает на градообразующем предприятии, на котором и я же тружусь. Так что после расставания совсем было бы мучительно, если бы не тот факт, что предприятие наше огромное, размером с небольшой городок, а работаем мы с мужем в разных отделах, поэтому домой, на свободу, так сказать, мы выходим через разные проходные: я через северную, а он через восточную. Раньше, пока мы жили вместе, имея одну машину на двоих, это создавало определенные неудобства, зато теперь оказалось в самый раз. Вот и сегодня я вышла через свою проходную и ждала, когда он выйдет и поедет за своей пассией.

Дождалась. Вышел, как обычно, одним из первых, предворяя основную массу идущих со смены работяг, огляделся по сторонам, словно почув-

ствовал, что я его караулю. Выбрит, подстрижен, одет соответственно случаю. Мне даже показалось, что я ощущаю аромат его одеколона, хотя на таком расстоянии это и невозможно. Но что поделаешь: рефлекс. Муж мой в основном консервативен, имеет многолетние стойкие привычки, и склонность к одной и той же марке одеколона входит в их число. А у меня его внешний вид (если это только не утренний вид в выходной день — в пузе и в семейных трусах) стойко ассоциируется с этим запахом. Впрочем, от пуза-то мой благоверный попытался избавиться, постройнел. То ли специально на диете сидел, то ли от более хлопотной жизни, то ли просто хуже стали кормить. Ну, в общем, просто медный пятак, начищенный до золотого блеска. Только меня-то не проведешь, я знаю, чего он на самом деле стоит.

И вот, пересек мой неверный супруг площадь, направляясь к своей (а еще недавно — нашей) машине на стоянке. Я, стараясь от него не отставать, поспешила к своей. Точнее, не к своей, а к одолженной на вечер у Ирки, старинной моей приятельницы, эмансипированной мадемуазель. Ирка, единственная из всех, узнав про мою беду, не стала поучать меня, а просто сказала, пожав плечами:

— Туда ему и дорога! Ты-то что расстраиваешься? Квартиру освободил? Самое главное! А на остальное плюнь!

Да, ей-то легко говорить, она мужиков меняет как перчатки, ни к одному из них не успевая

привыкнуть. А может, так и надо жить? Ни расстройств, ни проблем, а чуть только тебя попытались озадачить — с легким сердцем указываешь паршивцу на дверь, чтобы в скором времени найти достойную замену и испытать с ней всю новизну, всю прелесть первых свиданий. Я же, как дура, год за годом добросовестно тянула свою лямку. Вначале прощала милому и тогда еще молодому супругу все его недостатки потому, что была влюблена, а это чувство, как известно, способно завуалировать очень многие дефекты. Потом привыкла, да и некогда стало замечать, что в муженьке плохого, а что хорошего: один за другим появились сын и дочь, и пришлось мне делить внимание и силы уже на троих. Так на трассе «работа—дом» пролетели годы. Дети, еще недавно учившиеся ходить и самостоятельно есть из тарелки, научились и тому, и другому, и потопали в первый класс, а потом повзрослели так стремительно, что я даже не успела этого заметить. И разлетелись из родного гнезда по разным городам. Дочь Юлька живет теперь у тетушки, сестры моего неблаговерного, и учится на юридическом факультете университета, а Димка, самостоятельный мой, живет сам по себе, уже отучившись и работая программистом в крупном концерне областного города. Может, и девушку себе уже постоянную завел? Не знаю точно, мне пока не счел нужным доложить. Он у меня молчун — этим Димка больше в меня, чем в папу.

И оба они с Юлькой домой теперь приезжают лишь изредка, большей частью только на крупные праздники. Так что осталась я после их отъезда с тем, с чего и начинала семейную жизнь: со своим супругом, который, единственный из всех троих, до недавнего времени упорно отказывался взрослеть. Обхаживала я его и берегла как драгоценность, следила, чтоб на работу ходил в чистых рубашках, старалась со стряпней угодить... Да что я перечисляю! Кто сталкивался с этим, тот знает, а кто не сталкивался — так лучше и не надо. Но для меня все эти каждодневные хлопоты о нем, с полным забвением себя, еще до недавнего времени были смыслом жизни. А потом, в один прекрасный день, весь этот мой хрустальный замок рассыпался на миллиард звенящих осколков...

Но я опять отвлеклась! Стараясь не сильно бедить свои душевные раны, чтоб не кровоточили, проскользнула я в Иркину машину, включила зажигание. Машина завелась сразу: Ирка, даром что баба, в технике знает толк и смотреть за ней умеет куда лучше, чем за спутниками жизни. А вот у неблаговерного моего что-то с зажиганием случилось, завелся где-то так с третьей попытки, даже под капот сходил заглянуть с умным видом. Так и хотелось ему свистнуть через дорогу, что бендекс пора менять. Но в итоге справился: видно, глаз у него хороший, раз одним только взглядом помог машине завестись. И вот, тронулись мы в путь: вначале он, а за ним, поотстав

немного, я. Впрочем, того, что он узнает меня, я могла не опасаться: Ирку он никогда не любил, предпочитал с ней не видеться (как и она с ним) и с машиной ее не знаком, поскольку меняет она их едва ли не так же часто, как и своих мужчин. Я потому и попросила машину именно у Ирки. Она дала мне ее без вопросов, зная, что мой семейный гараж опустел, так сказать, вместе с гнездом. Но — держу пари! — если бы она только прознала, с какой целью я прошу ее темно-зеленую красавицу «Ауди» годовалого возраста, то вместо машины получила бы я длинную и темпераментную отповедь, которая наверняка закончилась бы уверениями в том, что я умом тронулась, если, вместо того чтобы радоваться, сбыв залежалый товар с прилавка, таскаюсь еще за ним с никому не понятной целью. Но, как я уже говорила, Ирка никогда меня не понять, потому что она — птица вольного полета, я же — глупая курица, всю жизнь не желавшая знать ничего, кроме своего курятника. Нет, все-таки хотелось бы мне хотя бы на минуту оказаться в небесной канцелярии, чтобы задать там один-единственный вопрос: кто же все-таки из нас с Иркой прав? Но поскольку аудиенции мне там давать никто не собирался, то потащила я вслед за пока еще законным (развод мы не успели оформить) супругом по улицам, запруженным в это время дня машинами, везущими домой закончивших очередной рабочий день моих сограждан.

Слежка моя особым успехом не увенчалась: я не только не узнала, где работает моя юная разлучница, но и ее саму едва не проворонила, потому что села она к моему милому в машину на перекрестке, у светофора. Я лишь в последний момент сообразила, кого именно вижу, и даже лица не успела разглядеть. Запечатлелся в памяти лишь силуэт: стройная, как стебелек, среднего роста, и платиновые кудри до плеч. Да, еще что-то из косметики промелькнуло, не слишком яркое, подобрано со вкусом, ничего не могу сказать. Тут я, надо признаться, несколько приуныла — и из-за своей неудачи, и из-за того, что разлучница оказалась не вульгарной девицей, а вполне симпатичной молодой женщиной (кстати, ненамного старше нашей Юльки).

Проводив голубков, несколько раз притормозивших у магазина, до их дома, я понаблюдала немного из своей машины за тем, как мой неблагодарный, балансируя многочисленными пакетами, ухитрился закрыть машину, а потом двинулся к подъезду вслед за своей пассией, обремененной одной лишь маленькой дамской сумочкой. Вот что любовь-то с людьми творит! А при мне-то и не знал, с какой стороны у хозяйственной сумки ручки находятся. Тяжело вздохнув, я поехала восвояси.

Оставив машину на стоянке у Иркиного дома, где она всегда ее и держит, я пошла к Ирке, чтобы отдать ей документы и ключи, а заодно дого-

вориться о повторном прокате транспортного средства. Подойдя к подъезду, нажала кнопку видеодфона — Ирка была не последним человеком в торговле, даже владела пакетом акций какого-то крупного супермаркета и жила, естественно, не в трущобах.

— Хэлло, Людок! — услышала я беззаботный Иркин голос. — А, заходи, дорогая, гостьей будешь, — Ирка попыталась симитировать грузинский акцент.

Щелчок — и дверь подъезда открылась передо мной. Я поднялась по лестнице, мимо расставленных на площадках кадок с цветами, на третий этаж. Ирка уже ждала меня на пороге квартиры, стройненькая, как девчушка, в стянутом пояском на талии шелковом халатике, переливающимися складками спадающем вдоль стройных бедер, а выше пояса смело открывающем большую часть груди, где, должна заметить, было что показать. От Ирки прямо-таки веяло свежестью и дорогими духами.

— Вот, — протянула я ей с порога ключи. — Возвращаю в незапыленном виде.

— Ну, спасибо, — хихикнула Ирка. — Только через порог вообще-то ничего не дают. Зайди.

Я вошла, по-прежнему протягивая ключи. Ирка взяла их и швырнула на изящный полированный столик в прихожей; у Ирки даже прихожая выглядела почище некоторых гостиных.

— А теперь раздевайся, — потребовала Ирка.

— Ты одна? — неуверенно спросила я, зная, что вообще-то у нее в данный период времени имеется ухажер.

— Одна, как пень среди леса, — заверила меня Ирка. — Мы со Свиридовым разругались. Так что давай отметим это дело — и твое, и мое. А то что-то мне скучно.

— Как разругались? — спросила я, вешая плащ. — Ведь еще вчера...

— А долго ли? — отмахнулась Ирка. — Главное, знаешь ли, чтоб скандал как следует назрел, и тогда все происходит, как при назревшем чирье: малейший укол — и поперло гнусное содержимое. Он мне давно уже намекал, что неплохо было бы вместе зажить. И почему только в кино вечно показывают, что это именно бабы замуж хотят? Черта с два, это мужики, не успев завести любовницу, тут же начинают думать, как бы побыстрее сделать ее дармовой домработницей. А мне оно надо? О себе бы, любимой, успеть позаботиться, да еще ведь пашу на работе как вол и прихожу домой, надеясь, естественно, отдохнуть в тишине и покое. И совсем не вижу радости в том, что у меня дома на диване будет в это время лежать кто-то, вываливать на меня свои проблемы, да еще и ждать, что я приготовлю ему ужин и постираю носки. Ну, в общем, после того, как выяснилось, что у нас с ним диаметрально противоположные точки зрения на совместную жизнь, он мне высказал, что я не женщина, а пу-

стозвон и пустоцвет и что жизнь у меня — просто существование, поскольку нет в ней абсолютно никакого смысла. Как тебе это нравится, а? Это выходит, что если он для меня становится царем и богом — значит, я живу, а если он мне нужен как собаке пятая нога — это я уже, значит, существую, потому что не желаю никого тащить на своем горбу. Нет, ну каково? — бушевала Ирка, уже успев затащить меня в столовую, а также поставить на стол хрустальные фужеры и бутылку замысловатой формы.

— Ир, я... — я попыталась было возразить, но Ирка, не остыв после своего Свиридова, с ходу перебросилась на меня:

— Ты-то хоть из себя не строй! Вот за что тебя люблю — так это за то, что ты в грязи меня никогда утопить не пыталась, не в пример другим моим подруженькам, кошкам двуличным. Меня осуждают, а главное, сами-то с радостью точно так же зажили бы, если б только возможность была. Так что иди, мой руки! Полотенце знаешь, где искать.

Поняв, что Ирке необходимо выговориться, я смирилась. Села за стол. Чокнувшись с ней, я опрокинула в себя какое-то дорогое марочное вино. Вообще-то я не пью (одним словом, дама, идеальная во всех отношениях), но сегодня наглядно поняла, что значит фраза «горе залить». Иркино вино так на меня подействовало, что нервы мои, в последние дни сжатые в тугой комок, расплелись в тонкое кружево. Окружающие пред-